

Семь лепестков

ИСТОРИИ ИЗ ЛАВКИ
ЦВЕТОЧНЫХ ОБЪЯТИЙ

Когда цветы
говорят
громче слов

БАЕВА АННА

Анна Баева
7 лепестков

«Автор»

2026

Баева А. А.

7 лепестков / А. А. Баева — «Автор», 2026

У Флоры — цветочной лавки на тихой улице. И ещё у самой Флоры. Она — цветочница с добрыми морщинками у глаз, которая знает, что растения умеют слушать, а иногда — исцелять. Сюда заходят те, кто устал спорить, кто боится сделать шаг, кто забыл, как пахнет поле, или просто выдохся на трёх работах. Флора не читает нотации. Она срезает цветок, перевязывает лентой и говорит: «Возьмите. Это для вас». В этой книге семь историй. Семь человек. Семь растений. Каждая глава — про то, как трудно и страшно бывает признаться себе: я хочу не так, как все. Я боюсь. Я устал. И про то, как маленькое зелёное чудо на подоконнике может изменить всё. Здесь не будет волшебства. Только обычные люди, неправильные имена, потерянные велосипеды, холодный кофе и цветы. Которые, если присмотреться, иногда важнее слов.

© Баева А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Предупреждение о совпадениях	6
Пролог. Та, что слышит цветы	7
Глава 1. Альстромерия. Цветок для нерождённой Веры	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

7 лепестков

Посвящение

Моей бабушке, которая разговаривала с цветами, и всем, кто забыл, как пахнет поле.
Пусть эта книга станет для вас тёплым пледом.

Предупреждение о совпадениях

Эта книга является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, диалоги и организации вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, живущими или ушедшими, а также с реальными событиями и организациями — случайны. Особенно это касается цветочной лавки «Лавка цветочных объятий», её посетителей и их историй. Флора — собирательный образ, а не реальный человек.

Пролог. Та, что слышит цветы

Флора проснулась за час до рассвета. Это была её привычка — встречать первый свет не в постели, а среди зелени. Босиком, по холодному полу, она прошла на кухню, заварила имбирный чай с веточкой мяты, сорванной вчера вечером, и вышла в сад. Роса уже осела на листьях гортензий. В сером предутреннем воздухе пахло влажной землёй, мятой и чем-то сладким, неуловимым — как надежда, которая ещё не проснулась, но уже шевелится.

Она села на старую деревянную скамью, которую когда-то смастерил её муж. Его не было рядом семь лет. Скамья помнила тепло его рук, запах табака и стружек. Флора провела ладонью по шершавому дереву, ощутила мелкие занозы. Она так и не вынула их — они казались ей частичкой прошлого, вросшей в настоящее. Каждый раз, садясь, она чувствовала лёгкий укол. И каждый раз благодарила за это.

Чай она пила маленькими глотками, не торопясь. Слушала сад. Не ушами — кожей, грудью, затылком. Цветы говорили с ней. Не словами, конечно, а тем, как тянутся к солнцу, как раскрывают лепестки на миг раньше обычного, как замирают перед дождём. Флора различала тревогу в шелесте пионов, нетерпение в клубнях лилий, покой — в толстых листьях фикусов.

Её дед, тоже цветочник, говаривал: «Растения — безмолвные учителя. Если научишься их слышать, поймёшь и людей». Она не верила. В молодости была шумной, спешной, вечно бежала. Из универа — на работу, с работы — на свидание, со свидания — к подруге. Пока однажды не рухнула. Прямо посреди улицы, в толпе, с тяжёлыми сумками и списком дел, который нельзя было отложить. Лежала на горячем асфальте, смотрела в белое июльское небо и впервые услышала тишину. Не ту, что бывает, когда нет звуков, а ту, что наступает, когда замолкает голос внутри, требующий «надо, надо, надо».

В больнице соседка по палате подарила ей герань. Простую, красную, в пластиковом горшке. Флора хотела выкинуть — какой смысл в цветке, когда ты не можешь встать? Но от нечего делать начала ухаживать: поливать, поворачивать к солнцу, даже разговаривать. Герань расцвела через три недели. Флора плакала, глядя на эти яркие шапки. Слёзы были горькими и сладкими одновременно.

С тех пор цветы стали её спасением. Потом — делом жизни. Потом — миссией. Теперь, в свои пятьдесят с хвостиком, она знала: у каждого цветка есть душа. И эта душа может исцелить другую душу, если правильно подобрать ключ. Не просто «красиво» или «модно», а именно ключ — как к старому сундуку, который открывается только своим замком.

Она поставила кружку на скамью, прошлась по саду, касаясь пальцами бутонов. Крокусы — самые чуткие — уже ждали. Флора наклонилась к ним почти вплотную:

— Сегодня будет день. И вы мне поможете.

Крокусы качнулись от её дыхания. Или от ветра. Флора улыбнулась и пошла открывать лавку.

Глава 1. Альстромерия. Цветок для нерождённой Веры

Мужчина появился на пороге, когда Флора переставляла горшки с геранью на летнее солнце. Она услышала звон колокольчика, но не обернулась сразу — дала посетителю освоиться. Таковы были её правила: не набрасываться, не задавать вопросов «что ищете?», не лезть с советами раньше времени.

Мужчина лет тридцати в помятой рубашке, с тёмными кругами под глазами и потерянным видом напоминал ей героев старых фильмов — тех, кто ищет не цветы, а ключ от собственной жизни. Он уже в пятый раз подходил к белым розам. Нюхал, трогал лепестки, вздыхал. Потом косился на красные, на розовые, на готовые букеты из лилий и астр — и снова начинал круг. Пальцы его подрагивали.

Флора взяла пульверизатор, подошла к фикусам. Не к нему — к фикусам. Так, чтобы быть рядом, но не давить. Она опрыскивала широкие глянцевые листья, делая вид, что полностью поглощена этим занятием. Однако краем глаза следила за мужчиной.

— Этот вариант хорошо подойдёт для официальных отношений, — сказала она как бы между делом, указав носом пульверизатора на пышный букет. — Учительнице или коллеге.

Мужчина дёрнулся, будто его застали за чем-то стыдным. Резко обернулся, посмотрел на Флору растерянно.

— Мне для жены. На выписку из роддома. Что обычно берут в таких случаях?

Флора улыбнулась уголками губ. «Обычно» — как часто она слышала это слово. Люди боятся выделяться, боятся ошибиться, боятся, что их выбор сочтут странным. Она знала, что «обычно» берут розы или лилии. Но разве можно мерить чужое счастье шаблоном?

— Понимаете, «обычно» — это для обычных дней. А у вас каждый день рождаются дети?

Мужчина смутился, пригладил волосы. Жест был беспомощным, почти детским. Флора заметила, как покраснели кончики его ушей.

— Нет, это первый... Первая. — Он запнулся, сглотнул. — У нас девочка.

— Девочка, — Флора почувствовала, как в груди разливается тепло. Она вспомнила свою дочь — ту самую, что подарила ей внука и уехала в другой город. Иногда боль потери смешивается с гордостью, и тогда получается светлая печаль, от которой хочется плакать и улыбаться. — Что бы вы хотели пожелать своей дочке? Или её маме? Радость? Благодарность? Может быть, вы хотите выразить что-то особенное?

Мужчина замялся. Он явно не привык говорить о чувствах. Его руки сжались в кулаки, потом разжались. Он переступил с ноги на ногу. Флора терпеливо ждала.

— Ну... здоровья, — выдавил он. — И чтобы счастливая росла.

— Прекрасные пожелания. — Флора поставила пульверизатор на стеллаж. — Смотрите, что может вам подойти.

Она начала перечислять: лизиантус — к харизме и утончённости, ранункулюс — к очарованию и богатству, стрелиция — к королевному величию, гортензия — к душевной теплоте. Мужчина мрачнел с каждым словом. Его брови сдвигались к переносице, плечи опускались всё ниже. Флора уже собралась спросить, в чём дело, но он опередил.

— Если честно, я бы выбрал просто розы.

— Почему же? — Флора остановилась на полуслове.

— Обычные цветы. Понятные. Красивые. — Он махнул рукой в сторону витрины. — А эти названия, которые вы говорите... я их даже не знаю. Это как имя для ребёнка. — Он замолчал, потом выпалил: — Жена хочет, чтобы мы назвали дочь как-то сложно. Виолеттой, Есенией, Златой. Чтобы имя выделялось, запоминалось. Было...

— Особенным, — подсказала Флора.

— Да. — Он поднял глаза. — А мне хочется что-то понятное. Маша там, Настя. Ну, хотя бы Вика или Кристина. Мне кажется, для нас это всё равно будет особенное имя. Ну она же наша. Не важно, как назвать. Важно, что она есть.

Он замолчал. Флора кивнула, ожидая продолжения. Она знала, что сейчас последует боль.

— Не знаю, что делать, — голос у него сел. — Не ссориться же.

Флора смотрела на него и видела не одного мужчину, а тысячи. Всех тех, кто стоял перед выбором между «как надо» и «как хочу», между своим и чужим, между страхом и доверием. Она подумала, что альстромерия — именно тот цветок, который нужен. Не кричащий, не пафосный. Тот, который сам по себе является ответом.

— Знаете, я поняла, что вам нужно, — мягко сказала Флора.

Она подвела его к вазе у окна, где стояли нежные белые цветы с красными штрихами на лепестках. Издалека они казались обычными лилиями. Но стоило подойти ближе — и становилось видно: каждый цветок был покрыт тонкими узорами, росчерками, крапинками, как будто кто-то невидимый рисовал на них карты неизведанных стран. Флора гордилась этими растениями, привозила их из питомника под Новосибирском, растила в особом грунте и считала маленькими природными шедеврами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.